

Азия и Европа разворачивают оружие, капиталы и альянсы в войнах кризиса порядка

В условиях *кризиса порядка* экономическое и военное измерения противостояния переплетаются. Торговая война, которую США то объявляют, то приостанавливают, то снова грозят начать – причём по всем направлениям, – заставляет другие державы ускориться как с развитием торговых отношений, так и с перевооружением. В ответ на односторонний поворот, навязанный Белым домом, активизируются старые переговоры, множатся новые соглашения в области торговли и безопасности.

В конце концов, настоящая “ахиллесова пята” Соединённых Штатов заключается в многополярной динамике. Теоретически, первая держава может вести искусную политику баланса, пытаясь обуздать и использовать многополярность, продлевая своё относительное господство за счёт противоречий между конкурентами. Однако сможет ли нынешняя администрация, обладая меньшей компетентностью, добиться успеха там, где другие – более предсказуемые – потерпели неудачу, остаётся под вопросом, хотя и не исключено. В любом случае, в параллелограмме сил и слабостей будет действовать закон непреднамеренных результатов.

В плане соотношения сил *война пошлин* является звеном в цепи частичных конфликтов, сопровождающих *кризис порядка*. Именно в межимпериалистических отношениях, трансформированных восхождением Китая, кроется нить, связывающая торговые споры между великими державами с войнами на Украине и в Газе, а также с перевооружением Европы и Азии. К этому добавилась военная демонстрация силы между Индией и Пакистаном, которая обнажила старую, но ещё активную линию разлома, а также показала новое китайское влияние: истребители Chengdu J-10, поставляемые Пекином Исламабаду, прошли боевое крещение. Китай способен обеспечить Пакистану превосходство в воздухе по конкурентоспособной цене и тем самым косвенно бросить вызов обороне Индии. В блицкриге в небе над Кашмиром также проявляется китайский фактор.

Комментарий Уолтера Рассела Мида в *Wall Street Journal* позволяет выйти за рамки исключительно двустороннего измерения конфликта. Ни США, ни Китай в настоящее время не хотят, чтобы их соперничество спровоцировало локальные войны; однако это повышает готовность других держав к риску, что увеличивает вероятность эскалации кризисов там, где сталкиваются их интересы. Региональные игроки будут рассчитывать как на сам факт китайско-американского соперничества, так и на нежелание обеих сверхдержав быть втянутыми в конфликт – и попытаются воспользоваться этой ситуацией. Это создаёт пространство для серии рискованных попыток или провокационных инцидентов, направленных на усиление напряжённости, но не приводящих к полноценному вмешательству двух главных соперников. Подобные дилеммы будут постоянно сопровождать *войны кризиса порядка*.

Последствия двойного процесса – восхождения Китая и упадка США – указывают на многообразие вариантов, доступных державам в условиях меняющегося многополярного баланса. Одна из статей Арриго Черветто 1982 года содержит обобщение по вопросу динамики альянсов, имеющее значение как следствие *закона неравномерного империалистического развития*, поскольку связывает восхождение новой державы в системе государств с широким спектром возможных реакций на это со стороны других империалистических центров – не сводящихся лишь к прямому противодействию новому претенденту, но и не исключаяющих его. В статье рассматривается политическое утверждение Японии в 1980-е годы. Черветто отмечает, что в принципе никто не заинтересован в появлении нового претендента, но на практике каждая империалистическая держава «в своём стремлении к образованию альянсов, ослаблению альянсов, использованию альянсов или в стремлении остаться в стороне от всяческих альянсов заинтересована разыгрывать максимально возможное количество карт»¹. Все державы никогда не смогли бы договориться между собой, чтобы предотвратить восхождение Японии, учитывая все их разногласия. Каждый соперник неизбежно попытался бы использовать в своих тактических целях укрепление Токио во всеобщем балансе.

Только взаимосвязь между динамикой одной державы и динамикой всей системы государств может объяснить парадокс, при котором одно государство может использовать в своих интересах усиление конкурента, которое, взятое само по себе, наносит ему ущерб.

На протяжении последних лет мы постепенно углубляли понимание этих закономерностей применительно к подъёму Китая, а в процессе анализа добавляли и новые наблюдения: сама восходящая держава может использовать собственный импульс для «установления», «ослабления», «использования» или «избегания» альянсов; реальный ход противостояния может предусматривать одновременную реализацию разных вариантов; наконец, количество этих вариантов умножается, если восходящая держава имеет континентальный масштаб, и её движение влияет как на глобальный баланс, так и на все региональные равновесия.

Сегодня подобное наблюдение можно распространить и на американский упадок. Держава, теряющая позиции, также может использовать свою относительную динамику в самых разных ситуациях: для того, чтобы избавиться от обязательств, пересмотреть условия альянсов или предпринять односторонние действия в обход союзов. И наоборот, другие державы могут использовать этот упадок для пересмотра своих собственных отношений. Именно это мы и наблюдаем.

Наиболее ярким тому примером служит Индия, открыто разрабатывающая собственный *многовекторный* подход. Согласно доктрине Джайшанкара, нынешнего министра иностранных дел, Дели должен «задействовать США, управлять ситуацией с Китаем, развивать отношения с ЕС, успокаивать Россию, вовлечь Японию в игру». Мы заметили, что этот синтез намеренно оставляет открытым вопрос о том, как «управлять» китайским соперником – настолько противоречивой является идея просчитанного открытия. Но, в то же самое время, разгадка кроется в других внешних связях: целью *многовекторного* подхода и является обусловить китайское восхождение, используя отношения с США, Европой, Россией и Японией.

По мнению Прашанта Джа, корреспондента *Hindustan Times* из Вашингтона, Индии пришлось принять решение продолжить курс на стратегическое сближение с Соединёнными Штатами, начатое двадцать лет назад с заключением ядерного соглашения, – даже зная, что на втором сроке Трампа ей придётся «скорее отдавать, чем брать». В индийской столице, по сообщениям, ведутся «серьёзные дебаты» о том, является ли такой подход признаком слабости и преждевременной капитуляции или демонстрирует реализм и дальновидность. Газета, принадлежащая семье Бирла, считает, что Нарендра Моди на верном пути.

Следующий шаг был сделан в сторону Пекина: как утверждается, Моди дал своё благословение на частичную нормализацию отношений, принимая во внимание давление со стороны индийских деловых лобби, возмущённых агрессивным проникновением Китая на внутренний рынок. В любом случае, только намекнув на возможность частичного открытия в отношении Дракона, Дели тут же принялся ускорять торговые переговоры с Брюсселем, неожиданно завершил их с Лондоном и начал диалог с Вашингтоном. Индия воспользовалась изменением в балансе сил, выявленным торговой войной, чтобы «стабилизировать» отношения с Драконом, но «избежать» в то же время слишком удушающего «танго»; «эксплуатировать» отношения с Лондоном и Брюсселем и «ослабить» связь с Вашингтоном, рассчитывая тем самым сохранить её. Моди будет сохранять «максимальную гибкость» по отношению к Трампу, сопровождая её параллельными шагами в других направлениях. Однако, если указывать только на тактическое маневрирование по отношению к Белому дому, в тени останется истинный смысл *многовекторности* в долгосрочной перспективе, где китайское восхождение используется для «укрепления» альянса с Вашингтоном и «ослабления» связей с Москвой, эксплуатируя при этом отношения как с Европой, так и с Японией. К этому можно добавить, что Дели вновь сталкивается с отравленными плодами Раздела 1947 года – в виде конфликта с Пакистаном, – но теперь на фоне тектонических сдвигов, вызванных Китаем.

Индонезия также проводит политику *многовекторности*, что позволяет разнообразить – теперь и за счёт «средней державы» – наблюдения за игрой баланса сил, чтобы исследовать многополярный курс противостояния. Индонезийская пресса вспоминает 70-ю годовщину Конференции неприсоединившихся стран в Бандунге с характерным замечанием: торжества были достаточно блеклыми. По мнению *Jakarta Post*, годовщина должна была стать

возможностью выступить с *«обновлённым призывом к афро-азиатскому единству»* перед лицом шторма американских тарифов. Однако первым инициативу перехватил Пекин, который представил себя защитником многостороннего подхода.

Это замечание едва прикрывает глубокие перемены, произошедшие в рядах “неприсоединившихся”: за 70 лет из этих молодых капитализмов вышли новые афро-азиатские державы, прежде всего Китай и Индия. Возвышение двух империалистических гигантов из отсталых районов коренным образом изменило отношения между участниками конференции в Бандунге, причём настолько, что сегодня само “неприсоединение” постепенно приобретает явный смысл дистанцирования от Китая и, потенциально, также от Индии. На практике, чтобы претендовать на наследие Бандунга, Индонезии сегодня пришлось бы применить этот принцип к “неприсоединившимся” прошлых лет: переход от политики неприсоединения к *многовекторности* – как и в случае с Индией – имеет такое глубинное содержание, как восхождение новых империалистических держав в рамках старых отношений.

В 1950-х годах мы рассматривали движение неприсоединившихся как потенциальный “третий блок” – оспаривая преобладавшую тогда биполярную схему раздела мира между США и СССР. В Бандунге Китай дистанцировался от Москвы; неравномерное развитие Азии порождало молодые капитализмы – наряду с побеждённой, но возрождающейся Японией, которая присутствовала на конференции в качестве наблюдателя.

Однако гипотеза китайско-индийского блока оказалась ошибочной. Между двумя гигантами преобладали не общие интересы в капиталистическом развитии, а экономические и военные противоречия, которые умело использовались тогдашними сверхдержавами. Бандунг отразил возможность ускорения азиатского развития без вмешательства держав; его непоследовательность проявится в китайско-индийской и индо-пакистанской войнах. Лишь позднее, – резюмировал Черветто в 1980 году, – восхождение Японии откроет пространство для Китая и Индии, что компенсирует первоначальную переоценку их сил.

Спустя десятилетия империалистическое развитие наполнило старый “блок” 1955 года новым содержанием, и сегодня именно Китай превратил его в инструмент влияния, сохранив азиатскую марку и старые “антиколониальные” претензии к западным соперникам. При Чжоу Эньлае Пекин присвоил себе “авторские права” на бандунгские “принципы”, которые включали защиту суверенитета и территориальной целостности и невмешательство во внутренние дела. Таким образом, “антиимпериалистическая” риторика Бандунга сегодня служит картой китайского империализма.

Пекин на собственном опыте знает, насколько иллюзорной является политика “неприсоединения” для средних держав и как она неизбежно оканчивается “многовекторностью”, подверженной тысяче влияний. У Дракона за плечами долгий путь национального становления, роста молодого капитализма и восхождения в качестве новой державы: превратившись в империализм, он может экспортировать эту традицию и бросить вызов старым державам за идеологическое доминирование на афро-азиатских рынках.

Та же империалистическая метаморфоза происходит и с БРИКС, чьи участники претендуют на роль носителей “духа Бандунга”, направленного против старого послевоенного порядка. С одной стороны, противоречия и конкуренция между Бразилией, Россией, Индией, Китаем и ЮАР подрывают их претензии на роль нового “блока”. С другой – вступление новых членов является как признаком растущего влияния группы, так и почвой для разногласий между самими странами-основателями, особенно когда расширение может ослабить влияние Китая. Достаточно вспомнить о потенциальном вступлении Индонезии, которое изнутри продвигает Индия, а извне – Япония. Доклад московского мозгового центра “Валдай” под редакцией Олега Барабанова, замдиректора по научной работе Евразийского учебного института МГИМО, проливает свет на особый интерес России, хотя и с особым акцентом на горнодобывающем секторе.

Семьдесят лет развития дифференцировали афро-азиатских участников: *«Взросло стратегическое и геоэкономическое значение Азии. Китай и Индия стали мировыми державами, выросла экономика Индонезии. Всё это укрепило позиции Азии и способствует её экономической экспансии в мире и сотрудничеству со странами Африки»*. Сегодня Индонезия – горнодобывающая держава, привлекающая китайские инвестиции, но также

сотрудничающая с Японией, проводящая военные учения с Россией, стремящаяся к членству в БРИКС и ОЭСР, а также проявляющая интерес к Индии.

Авторы не акцентируют внимание на том, насколько *многовекторность* Индонезии опирается на исторические связи с Токио, чья инвестиционная мощь в Азии по-прежнему остаётся критически важной. Вместо этого подчёркивается, что именно Индонезия стала главным получателем инвестиций Шёлкового пути. Токио и Пекин борются за влияние на АСЕАН, но при этом могут сблизиться в вопросе выработки региональных ответных мер на американские тарифы, что неофициально обсуждается на азиатских форумах.

По мнению экспертов “Валдая”, Индонезия воплощает наследие Бандунга в АСЕАН, но сегодня эти принципы должны включать и элемент *неприсоединения* по отношению к Китаю: «Как страны Движения неприсоединения, ставшие членами БРИКС, могут укрепить свою позицию в контексте усилий по сокращению разрыва между Севером и Югом? Особенно важна ситуация в стратегической области, связанная с картелизацией добычи редкоземельных элементов [...]. [...] их производством занимается не так много стран, в частности Китай. Странам Движения неприсоединения кооперация с БРИКС предоставляет возможность построения альтернативных цепочек поставок. Таким образом, они могут бросить вызов монополистам, сохранив при этом верность основным принципам неприсоединения». Получается, индонезийская “средняя держава” становится объектом сразу нескольких расчётов: присоединяясь к БРИКС, она становится ближе к Китаю; в то же время Россия, Индия и Япония видят в ней потенциальный противовес чрезмерному влиянию Пекина.

В Пекине сейчас оценивают, насколько активное применение *стратегии выжидания* может обернуться выгодой благодаря саморазрушительным колебаниям Вашингтона. Однако Чжан Вэйвэй – старейшина школы исключительности из Фуданьского университета в Шанхае – предостерегает от недооценки «*деструктивности американского упадка*»: Трамп боится столкновения с Китаем, но готов рискнуть, чтобы достичь соглашения. По мнению Чжэн Юннэня из либеральной школы в Шэньчжэне, американский истеблишмент расколот, но есть в нём и те, кто говорит о необходимости противостоять Китаю, пока тот не стал сильнее. Пекин отреагировал на тарифную атаку с твёрдостью. Традиционно внимательная к политическим и даже психологическим аспектам переговоров, китайская дипломатия сформировала впечатление, что Вашингтон нервничает, испытывает внутреннее давление и стремится к переговорам, чтобы выйти из тупика. Тем не менее, как сообщают японские источники, и сам Пекин оказался под рыночным давлением, согласившись на диалог под угрозой сниженных тарифов и без обещания их отмены, а также столкнувшись с антикитайскими пунктами в соглашениях, которые США навязывают другим державам. В то же время Пекин открыл ряд дипломатических каналов, предложив Токио и Сеулу скоординировать ответные действия в Азии, усилил диалог с ЕС по вопросу о пошлинах на электромобили добился продвижения в двустороннем снятии санкций Европарламента, заблокировавшего китайско-европейское инвестиционное соглашение CAI.

Первые реакции держав на “войну пошлин” нельзя считать точным отражением всего спектра их возможностей балансирования в условиях упадка США и восхождения Китая, но они демонстрируют некоторые возможные направления. Европа не стала спешить с ответными протекционистскими мерами, рассматривая, возможно, перспективу заключения среднесрочного трансатлантического соглашения. Это даёт время на то, чтобы внутренняя реакция США и отношения атлантической многовекторности в Азии и Латинской Америке стали весомыми факторами в переговорах с Вашингтоном. Япония также взяла паузу, обратившись сначала к Китаю и Южной Корее, а затем к Юго-Восточной Азии посредством визитов бывшего премьера Фумио Кисиды в Индонезию и Малайзию, а его преемника Сигеру Ишибы – во Вьетнам и на Филиппины. От внимания *Le Monde* ускользнул намёк министра финансов Кацунобу Като на то, что казначейские облигации США, находящиеся в распоряжении Токио, являются «*картой на столе переговоров*» с Вашингтоном. Это шаг *монетарного сдерживания*, обозначающий красную черту Японии, и в то же время проявление её слабости как островной державы, не имеющей преимуществ единого европейского или континентального китайского рынков и зависящей в своём выживании от мировой торговли.

Китай представил сбалансированный ответ Вашингтону, представив себя в качестве крупного рынка и флагмана свободной торговли в Европе и Азии, крупного инвестора в Латинской Америке и незаменимого партнёра России. По мнению ректора Пекинской школы международных исследований Цзинь Цаньжуна, Си Цзиньпин использовал центральную конференцию по дипломатии с соседними странами 8 апреля для того, чтобы задать рамки для визитов во Вьетнам, Малайзию и Камбоджу. «Тупик» в отношениях между США и Китаем повлияет на отношения с Европой, Японией и Индией, что приведёт к «общему застою» в отношениях с крупными державами или, по крайней мере, к крайне ограниченному прогрессу. Поэтому инициатива в отношении азиатских соседей будет необходимостью.

Пекин развивает региональные отношения, опираясь на принцип «двойного обращения», то есть предлагая китайский рынок для азиатских товаров в обмен на экспорт капитала в соседние страны. На этом экономическом базисе впоследствии основывается надстройка политических и военных соглашений.

В политической интерпретации Цзинь Цаньжуна, *внутренний рынок* – это не только бастион против внешних вызовов, но и внешнеполитическая карта в борьбе за сферы влияния. Здесь, отметим, Китай сохраняет сильное преимущество перед Японией; последняя может выступать как экспортёр капитала в Азии, но не располагает собственным континентальным рынком, чтобы закрепить за собой сферу влияния. Если принять во внимание последствия «двойного обращения», то китайский рынок, наряду с американским, станет для азиатской промышленности критически важным, учитывая его масштабы. Это почти беспроигрышная карта, если не учитывать жёсткой конкуренции со стороны самих восходящих китайских групп. По мнению сингапурской газеты *Straits Times*, Пекину придётся дать гарантии, что его соседи не будут завалены китайскими товарами, отвергнутыми США. Это отсылка к прецеденту азиатского кризиса 1997 года, когда Китай отказался от девальвации, – а это было условием для вступления в ВТО. Сегодня Дракон отстаивает либеристскую линию в азиатском сражении, но это способствует усложнению знака цикла в череде торговых, промышленных и финансовых столкновений огромных масштабов.

Европейское перевооружение не может быть полностью объяснено без учёта этой динамики в Азии, даже несмотря на то, что *атлантический кризис* выступил в качестве нового ускорителя. Формирование европейского империалистического полюса по своей природе является реакцией на многополярность новых держав, и до того, как война заставила Европу *вооружать Украину чтобы вооружать себя*, именно планы создания китайской военной машины подталкивали цикл перевооружения старых империалистических центров. Поскольку, однако, все процессы перевооружения направлены как на старые, так и на новые отношения, всякий шаг Европы в военном плане неизбежно отражается как на Атлантике, так и на Тихоокеанском регионе. Вспомним явное зеркальное отражение немецких ядерных дебатов и японских, которое привело к тому, что главы военных и гражданских ведомств в журнале *Nikkei* заявили о необходимости «*всестороннего и фундаментального пересмотра японской ядерной политики*». Или европейскую попытку пересмотреть атлантические отношения, используя войну на Украине и ослабление альянса, вызванное президентством Трампа, с европейским перевооружением в качестве противовеса атлантическому упадку.

Томас Кляйне-Брокхофф, директор немецкого аналитического центра DGAP (Немецкое общество внешней политики), и Зигмар Габриэль, бывший лидер СДПГ, пишут, что «коалиция желающих» поддержать Киев, которую возглавляют Лондон и Париж, а теперь и Берлин, образует ядро «европейской опоры» НАТО. Тот факт, что эта инициатива осуществляется вне рамок структур ЕС, делает её жизнеспособной, поскольку независимая «Оборонная инициатива» заняла бы слишком много времени и вызвала бы реакцию США. Авторы связывают воедино расширение французского и британского ядерных зонтиков на Германию и Польшу. США должны поддержать эту дискуссию, чтобы избежать «*неконтролируемого распространения*» ядерного оружия в европейском пространстве. Европа, в свою очередь, не должна давать деструктивный ответ на неопределённость трансатлантических отношений в среднесрочной перспективе, а скорее стремиться к новому распределению ответственности.

Не спешить с конфронтацией с США – это ключ к пониманию европейского ответа как на торговом, так и на оборонном фронте – в последнем случае намерение будет состоять именно в том, чтобы сдержать американский натиск с целью пересмотра условий альянса. По мнению Дин Чуня, директора Фуданьского центра европейских исследований в Шанхае, это также является вынужденной игрой. Европа не провоцирует торговую войну и пытается выиграть время для перевооружения, но американское наступление заставит ЕС в разгар «исторического сдвига», связанного с планом перевооружения Еврокомиссии и франко-германской дискуссией на высоком уровне о европейском сдерживании.

Ряд заметных шагов подтверждает ускорение сближения ключевых сил в Европе, причём не столько в смысле сроков. Европейско-британские оборонные соглашения открывают Великобритании доступ к фондам европейской оборонной промышленности. Франко-польский договор, подписанный в Нанси и подготавливающий официальное закрепление взаимной ядерной помощи, пока заявленное лишь на словах, позволяет предвидеть длинную серию шагов по европеизации французского зонтика. Франко-германское соглашение о перевооружении, «европейская опора» НАТО, франко-германский Совет безопасности и расширение ядерного сдерживания – вот ключевые моменты. Наконец, открытость Макрона к внешнему финансированию французского зонтика – это отправная точка для его будущего обсуждения.

Враг в нашем доме открыто перевооружается. Ленинисты должны использовать это время максимально эффективно.

Май 2025 г.

---

¹ – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей»», 2019. С. 210.